

6. Штанько, В. И. Антропологические вызовы информационной цивилизации / В. И. Штанько // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – 2011. № 980.

7. Bartell, S. M. Ecological/Environmental Risk Assessment / S. M. Bartell // Risk Assessment and Management Handbook. – New York, 1996.

8. Kolluru, R. V. Health Risk Assessment: Principles and Practices / R. V. Kolluru // Risk Assessment and Management Handbook. For Environmental, Health, and Safety Professionals. – New York, 1996.

ЦЕННОСТЬ «ВНУТРЕННЕГО ОФОРМЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА» В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Л.В. Довыденко, г. Калининград, Россия

Мы несем миру только то, что мы можем ему дать, и вместе с тем, то, что ему единственно необходимо – Православие, истинное и сильное, вечное исповедание Христа и полное обновление моральное...

Ф.М. Достоевский.

...Я все более и более убеждаюсь, что только Православие как истину о Боге, о человеке, о мире, как общее видение космоса, истории, эсхатологии и культуры можно сегодня противопоставить разложению и умиранию мира, созданного христианством, от которого он в безумии своем отказался. Но чтобы это противопоставление было действенным, надо, чтобы Православие снова стало Божественной простотой, Благой вестью в чистом виде, радостью, миром и правдой в Духе Святом

о. А.Шмеман

Понял теперь я: наша свобода

Только оттуда бьющий свет.

Н. С. Гумилев

«Мир хотел поймать меня, но не поймал», - говорил Г. Сковорода. И когда настал черед появиться в мире нам, жителям земли в 21 веке, мы видим кругом расставленные силки массовой культуры и ширпотреба. «Духовной жажде» противопоставлен лозунг: «Потребляй!». Имидж, пиар, реклама, успешность, продуктивность, эффективность – это все товары рынка, врывающегося в сферу, казалось бы, интеллектуальной и духовной жизни: продажа должностей, званий, дипломов, ученых степеней, премий, обман в сфере фармакологии, торговля иконами на заказ, торговля чувствами (эскорт, проституция), торговля человеческими органами.. Всемирное торговое общество пропитало своими ядовитыми испарениями весь земной шар, вытесняя бытие, святое, священное, Онтологического Человека.. События в Северной Африке, на Ближнем Востоке говорят о том, что религия стала средством политики.

А тем, кто сохранил в себе человеческое, требуется сдержанность, воздержание, мужество, трезвенность, праведность. Без Праведника не стоит село. Судьба Нового Орлеан, Детройта – символы того, что не нашлось праведников в этих городах, а скоро в таком положении могут оказаться целые народы.

Ценности духа, духовных и душевных сил, нравственности и морали, свободы и прав человека и стремление к мудрости, позиция над политическими и идеологическими схватками, движение и направленность энергии на примирение и объединение враждующих направлений находим мы в философии русского зарубежья, одним из ярких представителей которого был Н.С. Арсеньев. В своей итоговой книге «Дары и встречи жизненного пути» он писал о своей семье: «Со всех сторон меня захватывали потоки живых интересов, связанных с историей человеческой мысли, литературы, общественных устремлений, истории народов, истории искусства». Уже первая книга философа «Жажда подлинного бытия» обращена к духовным поискам человечества, к древнейшим источникам различных культур, свидетельствующих о глубинах духовной жизни человека. Это надписи на каменных плитах Верхнего Египта, поэзия Древнего Вавилона, Махабхарат Древней Индии, поэзия и философия Древней Греции и Рима. Во всех источниках находит мыслитель примеры «томления духа» и «искания выхода», «искания опоры в Вечном, Реальном». Арсеньев рассматривает «томление духа» как «жажду подлинного бытия» и удовлетворение ее Откровением свыше, ощущением Полноты жизни, жизни в любви, которая - он считает - может быть актом волевого усилия. Интерес к «внутреннему оформлению человечества» берет свои истоки в семье Арсеньевых. Князь Юрий Алексеевич Долгорукий и его жена Елизавета Петровна (урожденная Давыдова) были родителями бабушки Николая Сергеевича по отцовской линии. Они знали Хомякова и ценили сочинения швейцарского пастыря Александра Винэ (1797-1847), профессора истории литературы Лозаннского университета. Винэ мечтал о сближении между христианами, взаимопонимании, особенно между протестантами и католиками.

Долгорукие интересовались Оксфордским движением 30-50-х годов XIX века. «Отсюда началось, - писал Н.С. Арсеньев, - усиленное стремление многих выдающихся представителей Англиканства к сближению с Православной церковью, отсюда началась дружественная переписка А.С. Хомякова с одним из виднейших деятелей Оксфордского движения В.Пальмером. Когда в 40-х годах Пальмер приезжал в Россию, он часть лета провел у Долгоруких в их имении Красное, Новосильского уезда, Тульской губернии. Арсеньев рассказывал о ряде посещений России некоторыми членами Англиканского Епископата. Приехавшие в Россию на коронацию императора Николая II, англиканские иерархи вели беседы о

возможности сближения Англиканства с Православной церковью. Англичанин Джон Беркбек, который стремился познакомить соотечественников с учением Православной церкви, особенно ее литургической жизнью, издал переписку Хомякова с Пальмером, трактат Хомякова «Церковь едина» в переводе на английский язык. Беркбек 18 раз приезжал в Москву, и был знатоком православного богослужения. Он говорил, что во всем христианском мире нет ничего равного по красоте московским службам Страстной недели и Светлого воскресения. Большая заслуга Арсеньева состоит в том, что в книге «Единый поток жизни» он собрал сведения о влиянии Православия на европейскую культуру. Он приводит примеры церковных деятелей и авторов книг, чьи сердца открылись «духовным сокровищам Православия». «Образы русских святых – Сергия Радонежского, Серафима Саровского, Тихона Задонского, образы Оптиных старцев – стали (особенно с появлением на Западе русской эмиграции) знакомы и дороги многим западным читателям. После первой мировой войны религиозное воздействие христианского Востока на Запад усилилось чрезвычайно (тут сыграли роль литургическая красота Православной церкви, русская икона, Достоевский и религиозные русские мыслители)». Таким образом, книга «Единый поток жизни» опровергает до сих пор бытующее мнение, выраженное, например, Вышеславцевым: «Из того, что пишется и говорится на Западе, я вижу, что русский народ и русская судьба все еще остается полной загадкой для Европы. Мы интересны, но непонятны; и, может быть, поэтому особенно интересны, что непонятны. Мы и сами себя не вполне понимаем».

Хотелось бы подчеркнуть, что Арсеньев немало сделал для того, чтобы мы, прежде всего, «были сами себе понятны». В книге на немецком языке «Русская литература нового времени и современности в их духовной взаимосвязи», которую, к сожалению, до сих пор никто не перевел, а мой перевод нигде не опубликован, автор, рассуждая о специфике русской философской мысли, пишет, что она заключается в призыве к служению «вселенскому духу любви». По убеждению Арсеньева, этому великому призванию Россия часто оказывалась неверной, недостойной. Но это чисто русская мысль, именно славянофилы сформулировали «смысл жизни и истории человечества» как «свободу морального развития личности и вместе с тем любовь, объединяющую нас воедино с братьями в великий живой организм». Заветы славянофилов оказали воздействие на всю отечественную духовную, не только религиозно, но и светски ориентированную традицию русской философской мысли, найдя отклик и в западной мысли. Среди этих заветов особая роль принадлежит соборности, которая по Арсеньеву, – не внешний авторитет, а это наша собственная, более высокая жизнь. Причем, Арсеньев подчеркивает, что не только русский народ стремится к абсолютному добру. «Религия и

философия всех народов задолго до христианства установила, что человек и даже все мировое бытие влечется сознательно или бессознательно ввысь к абсолютному совершенству, к Богу. Различие между людьми и народами состоит в том, в какой форме и в какой степени осуществляется у них это стремление вверх и под какие соблазны они подпадают при этом».

«Высший цвет человечества» Арсеньев видит в лице святых, которые есть в каждом народе. Они вместе с тем и высший цвет нации, произведшей их, но они не укладываются в рамки национальные, как и вообще все лучшие духовные и культурные ценности человечества. Русские святые поэтому, - уверен Арсеньев, - сверх национальны, ибо из сверх национального и Вечного черпают свою силу. Они высшее достижение человечества.

Русская литература открывается Арсеньевым как всечеловеческая ценность. Духовная глубина произведений русской литературы предстает во взаимосвязи национального, индивидуального и вселенского. Арсеньев утверждает, что именно литература конкретного народа в первую очередь дает представление о его духе, его духовной сущности. При этом нельзя отбросить индивидуальность и своеобразие каждого художника, так как общественное внутренне скреплено с индивидуальным. То, что глубоко национально, то является всечеловеческим. Конкретно-индивидуальное и всечеловеческое неразрывно связаны, потому что духовное содержание ищет совершенную форму.

Арсеньева волнует будущее России и роль в этом будущем духовной культуры: «Немо ли для нас и для будущей свободной России русское прошлое или есть живая связь? Вот вопрос решающего значения. Решающего оттого, что не может поток течь вперед, если он отрезан от своих истоков, и не может расти ввысь дерево, лишенное корней. Ибо жизнь есть одно органическое нераздельное целое. Без традиции нет истории, нет жизни народа, но традиция эта динамична, она устремлена вперед и уходит вглубь.

К художникам, выходящим на «общечеловеческое, вселенское и вечное», Арсеньев относит Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Картины толстовского мира Арсеньев называет «динамизмом жизни», выражающимся в мелочах мира человеческого и мира природного. Он выделяет в творчестве Толстого поклонение красоте и теплу русской семейной традиции, «укорененности» в родном быте и участие в западной культуре. Л.Н. Толстой и глубоко народен, и общечеловечен. Тоска жизни, утверждает Арсеньев, недоумение над жизнью, боль и сознание «тщеты» поначалу мало проявляются в его творчестве. Жизнерадостность помогает ему преодолеть тоску жизни. Творчество и красота обновляющейся природы есть главное противоядие этой тоски. А потом супружеская любовь! И охота, и верховая езда, и природа, и интерес к народу, и

динамическая устремленность вперед, и внутренне питание души могучей духовной традицией, питавшей предыдущие поколения. А далее кризис, из которого Толстой вышел, но с точки зрения Арсеньева, найденное им решение - «безблагодатно».

Не признавая благодати, Толстой, по убеждению Арсеньева, ставил человека одного перед лицом превышающих его человеческие силы «требований ригористической морали». В то же время Арсеньев убежден, что Христос для Толстого «был в противовес его рационалистическому отрицанию», все-таки больше, чем учитель совершенной морали.

Центральная тема творческих исканий Достоевского — существование Бога. Арсеньев считает, что Достоевский своим мировоззрением связан со славянофилами, которые ощущали свое дело не только как глубоко-национальное, но также как всемирное. Эту всемирную работу продолжил Достоевский. Корни мировоззрения писателя, как и у славянофилов, в русском народе, он, как и его народ, «тоскует по тому, что свято». И Достоевский приходит к «уравновешенности, к умственной зрелости и одухотворению», так как это есть «у нас в аскетической традиции церкви», и в «народной душе». Герои Достоевского, являются примером самоотверженной, отдающей, смиренной любви, «этой огромной силы», как считал Достоевский. Отмечая одностороннюю ироничность, несправедливость отношения Достоевского к другим народам, Арсеньев находит объяснение ей в «горячей любви к своему народу». Но его завещание — «захватывающая Пушкинская речь» — полностью «пронизана большой всемирной точкой зрения о взаимопонимании народов». Высокое предназначение своего народа он видит в том, чтобы «вызывать это взаимопонимание, принимать души других народов братски. Эта всемирная, всечеловеческая широта духа» — особенность гения Пушкина, как явления «пророческого». То же можно сказать и о Достоевском. Его миссия, его предназначение — «пророческое».

Современник и друг Арсеньева Г.Н. Трубецкой спрашивал: «В настоящий исторический момент человечество стоит на перепутье. Что же победит в нем — культурный зоологизм или «сердце милующее»? Чем надлежит быть вселенной — зверинцем или храмом?» Арсеньев развивает свою мысль в рамках идеала преображения. Выбор один: Апокалипсис или преображение. В русской литературе XIX века мотив преображения явно и неявно присутствует у многих авторов. В лирике Пушкина, например, преображение героя — основной принцип. По мнению Арсеньева, метафизическая струя у Пушкина может носить невольный характер, но этим добавлением ничто не ослабляется, так как душа поэта «стремится прикоснуться к основному, благому Смыслу Жизни». И в этом стремлении личность его просветляется, преображается. Поэтому «так умирительно» действует на него молитва Св. Ефрема Сирина и образ простой, смиренной

праведности в русском народе – «и няня его, и Татьяна, и чета Мироновых, и благочестивый быт русской семьи». С ним совершается чудо или он сам поднимается до таких вершин духа, где становится способным простить, принять, покаяться, то есть измениться, преобразиться под действием тех благодатных стихий, к которым он прикоснулся в момент озарения. Арсеньев утверждает, что «Пушкин – без излишней теоретизации – знал лучше многих других, что такое есть традиция духовной культуры». Его стихотворение «Пророк», задуманное вначале как некий нравственно-политический призыв, перерастает эту первоначальную тональность и приобретает характер религиозного зова». По мнению Арсеньева, бессмертие творчества Пушкина, вдохновленного «музами, античным миром, Куницыным, Жуковским, Шенье, Державиным, может быть, еще больше Кремлевским пожаром, битвами 1812 года, судьбами русского народа», состоит в «назаглушимо звучащем в его душе и будящем нас зове к служению Высшей Красоте и Правде». Арсеньев не одобряет тех, кто стремился преобразить мир усилием воли через революцию. Христианская идея преображения здесь была извращена, потребность в вере была заменена партийностью. В русской духовной жизни таится великое мессианское ожидание. Обоженное человечество – конец и цель истории и единственное положительное решение загадки существования.

В отличие от многих своих современников, Н.С. Арсеньев понимал, что познание общечеловеческих ценностей и оснований культуры начинается с усвоения и осмысления культуры «изнутри», через личную судьбу, историческую судьбу народа, национальных гениев, героев. Будущее и настоящее России в ее «реформаторских порывах» невозможно без осмысления исторических традиций и особенностей русской культуры, их сохранения. Народ, не сохраняющий свои традиции, нищает духом, оскудевает, «превращается в чернь». Арсеньев, переосмыслив главные достижения мировой духовной культуры, приходит к выводу, что православный путь святости и есть «ответ на загадку человеческой жизни». «В свете ужасных потрясений, перенесенных нашим народом, много ложных ценностей пало, многое подверглось переоценке, многое забытое или казавшееся забытым, воссияло опять перед нашим взором». Он уверен, что культура развивается и обогащается в диалоге с другими культурами, но акцентирует внимание на национальных чертах характера, особенностях русского способа постижения мира, связывая его с возрождением своего народа. Перспективы национального развития, проблемы смысла жизни сочетаются с проблемой исторического призвания народа. Пробудившийся в нем дух искания, ориентация на православные ценности, открывают его духовному взору значение исторических явлений. Вязкости рассудочных сомнений, он противопоставил веру как явление духовной свободы, обратившись к

глубинам национального духовного опыта, к нравственному, «внутреннему оформлению» русского народа и человечества.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

А.О. Евсеев, г. Минск, Беларусь

Обращение к проблеме формирования информационной грамотности повлекло привлечение понятий и терминов из разных областей знания: библиотечного дела, информатики, документалистики и др. В качестве близких по смыслу понятий, характеризующих знания и умения человека по работе с информацией, широко используются такие термины, как «информационная культура личности», «информационная грамотность», «информационная компетентность», «учебно-познавательная компетенция».

Термин «информационная культура» впервые появился в 70-х гг. Инициаторами привлечения внимания общественности к этому феномену явились работники библиотек. Одними из первых работ, в которых использовалось это понятие, были статьи библиографов К.М. Войханской и Б.А. Смирновой.

По определению Э.Э. Слабуновой, информационная культура – это

- стиль мышления, адекватный требованиям современного информационного общества, выражающийся в умении использовать информационный подход, анализировать информационную обстановку и делать информационные системы более эффективными;

- совокупность умений и навыков работы с источниками информации;

- самостоятельное решение любых задач, связанных с производством, поиском, обработкой, хранением и передачей информации [3].

Учитывая многоаспектность понятия и соотнесенного с ним явления, целесообразно в качестве базового использовать определение Н.И. Гендиной, которое формулируется как «Информационная культура личности — одна из составляющих общей культуры человека; совокупность информационного мировоззрения и системы знаний и умений, обеспечивающих целенаправленную самостоятельную деятельность по оптимальному удовлетворению индивидуальных информационных потребностей с использованием как традиционных, так и новых информационных технологий. Она является важнейшим фактором успешной профессиональной и быденной деятельности, а также социальной защищенности личности в информационном обществе» [1]. Первым этапом к достижению «информационной культуры» является информационная грамотность.